

Еврейская графика – выставка.

Ханно Компус.

„Päevaleht“, 10.5.1938.

Перевод с эстонского – Артур Лааст.

Несколько скептически поднимаюсь по лестнице дома на улице Карья 1 в помещения еврейского общественного собрания, где в субботу открылась выставка «Еврейская графика».

Размышляю: у нас здесь у евреев культурное самоуправление, ячейка еврейской культуры, а на исконной «земле отцов», в Палестине еврейские поселенцы выращивают апельсины – это отряд самоотверженных пионеров, которые надеются связать мировое еврейство с собственной территорией. А так во всем мире евреи составляют просто часть из всех граждан либо с равными правами, либо с ущемленными правами или же преследуемую часть.

Обязанности у них такие же как у других граждан, они говорят и ведут свои дела повсюду на государственном языке. Их фамилии, по крайней мере орфографически, часто не отличаются от фамилий коренного народа, а имена – ветхозаветные имена ведь встречаются часто и не у евреев. Даже расовые признаки порой настолько размыты, что евреи зачастую внешне не различимы от прочих граждан.

Существуют состоятельные евреи и очень богатые, но есть и очень бедные. Но богатства, сосредоточенные в руках богатых евреев, нельзя рассматривать в качестве еврейско-национального имущества, с некоторым правом мы можем утверждать, что еврейской нации вовсе не существует. Есть раса и есть религия (правда нескольких толков), а нации нет: у нации есть прежде всего территория, она может быть под чужой властью, как была наша страна менее одного поколения назад, но она все же существует. И

если из нее эмигрируют, создают колонии, эта страна все-таки остается родиной.

Евреи разбросаны по всему миру, и если мы даже предположим на миг, что все те места, где евреи живут более ли менее сконцентрировано – это еврейские колонии, то мы окажемся перед невиданным явлением в мировой истории: колонии начинают создавать себе родину.

Это действительно парадоксально: колония всех колоний в роли родины. И это должно будет создать самобытную культуру, второй признак нации? Похоже, я попадаю в сферу фантастических предположений, но этот парадокс может стать явью. В странах с «законопослушными» подданными евреи вытесняются, куда-то же им надо ехать хотя бы потому, чтобы не погибнуть по одному. Это вызвало национальное пробуждение среди евреев разных стран, активизацию национального сознания. Таким образом, извечный «еврейский вопрос» стал теперь вопросом и для самих евреев. Появилось «еврейское движение». Каждое движение приведет к чему-то, одним из результатов еврейского движения может быть то, что невиданная беда отдельных людей и семей из-за их принадлежности к определенной расе сложит их в нацию со всеми признаками независимой нации.

Кристаллизация и консолидация нации, создание национальных культур происходит перед нашими глазами во всем мире. Так почему же не может быть теперь черед национального и государственного возрождения еврейства?

Не одна мысль приходит в голову, пока поднимаешься на третий этаж, когда твои ноги уже не самые шустрые.

А теперь есть уже «Еврейская графика», хотя евреи принадлежат еще к различным культурам. Правда, они вносили в течение веков в них свой ценный вклад, но не рановато ли? Я еще полон сомнений, переступая порог: добро, авторы евреи, они могут изображать евреев и еврейскую среду, но разве оттого способ изображения, стиль, общие для культурного климата той или иной страны, стали еврейскими? А это все же важно, это существенно.

Начинаю свой обход зала. Нахожу очень впечатляющими офорты Адлера, они исходят явно от экспрессионизма, как и ксилографы Шелферта. Нахожу стилистов, которые очень гибко сумели придать своим листам бидермейерское очарование как Чарноцкий, Гельберзанка, Гросмановна, Гуревичовна, Левовна и др., все из Вильнюса. Нахожу у Фейнигера конструктивизм или кубизм - здесь грань еще не всегда ясна – нахожу у Кольника стилизации в направлении геометрии и каллиграфии каких-то элегантных, стремительных, обобщенных, но все же характерных изгибов. Нахожу в основном реализм, остро схваченный и в разных оттенках изобразительных средств, начиная с тонкой серой и черной тональности гравюр окиси серебра (сухая игла) берлинца Германа Штрука, затем технически независимой элегантности целой нью-йоркской группировки вплоть до очень сильных, деловитых, несколько драматически мрачных ксилографий молодого, родом из Плоцка, Зильбергера, который не скрывает, что он ученик польского графика Скочиласа.

Нахожу малого формата, но многозначные ксилографы Юдовина, которые без сомнения отношу к кругу новейшей школы русской ксилографии Кравченко.

Итак, был ли оправдан мой скепсис? Да, но все-таки и нет. Правда, я узнаю тут различные течения, которые позволяют отнести работу этих художников из Латвии, Литвы, Польши, России, Германии, Австрии, Румынии, Франции и Америки к искусству названных стран и народов, со своим особым колоритом. Но теперь, при более близком рассмотрении, обнаруживается удивительное – среди всего индивидуального начинают просвечиваться общие, скажем родственные, черты. Это чувствуется, но это нелегко объяснить словами, это общее по сути не просто и не однородно.

Прежде всего, заметно стремление к технической виртуозности. Это стремление свойственно евреям на многих поприщах, известно немало виртуозов скрипачей и пианистов. Мне бросилось в глаза, что авторы многих работ добиваются элегантности, вернее сказать, даже шика. Вспомним, что самые шикарнейшие на наших улицах еврейские дамы. Даже если некоторые авторы как Лихтенштейн или Пацановска нарочно избегают элегантной линии и гладкости, чтобы добиться непосредственного эффекта, тем не менее, у этих авторов сохраняется шик. Мы не встретим тихой, простой

лирики, сосредоточенных размышлений или мечтаний: нет – все эти листы хотят произвести впечатление, что-то внушить, рассказать. Они предполагают наличие зрителя и притягивают его внимание, они артистичны.

Это все не значит, что в них нет эмоции. Но что мне кажется характерным – как только еврейским художником овладевают эмоции, он трансформирует их в иронию и гротеск. К примеру, у Шора на его ксилогравиюре ветхозаветный старик в кафтане с гусем и корзиной, но из под кафтана выглядывают огромные сапоги. Нескрываемо гротескна, даже устрашающая серия Рубинрота «Оркестр», «Женщина с мертвецами», «Негры» и др. листы. Ироничен в каждой своей работе Кольник, даже там, где он передает социальные темы – «Цветочница среди манекенов», «Уличное искусство», «Стачка», «Беженцы» - ирония хотя бы в том, что он располагает фигуры на листе не вертикально, а как-то кособоко. В таком же духе и у других.

Эта ирония пронизывает все, на мой взгляд, характерной чертой. Обусловлено ли это парадоксальным положением евреев как нации? Это исконно еврейское свойство? Если мы под исконно еврейским имеем в виду ветхозаветность, а так мы обычно делаем, то этого мы на этой выставке не находим. Времена Ветхого Завета прошли окончательно, и разве много евреев используют еще в обиходе иврит? Эти художники на этой выставке, многие из них именитые, теперь еврейские художники, а еще совсем недавно они были гордостью немецкого искусства, говорят во всяком случае на идиш. И если они не говорят на идиш, а на немецком, польском, французском и английском, то с неким акцентом. А если без акцента, безупречно, то все же в их манере выражаться есть стремление к эффектности, ироничное остроумие. И все же встретившиеся в Таллинне международные художники из-за морей и разных стран оказываются еврейским сообществом. Выставка представила действительно еврейскую графику.